

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF
KAZAKHSTAN

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им.АЛЬ-ФАРАБИ
ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY NAMED AFTER AL-FARABI

ФИЛОЛОГИЯ ЖӘНЕ ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ ФАКУЛЬТЕТІ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ И МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ
FACULTY OF PHILOLOGY AND WORLD LANGUAGES

ОРЫС ФИЛОЛОГИЯСЫ ЖӘНЕ ӘЛЕМ ӘДЕБИЕТІ КАФЕДРАСЫ
КАФЕДРА РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
DEPARTMENT OF RUSSIAN PHILOLOGY AND WORLD LITERATURE

Международная научно-практическая конференция
«Русский язык и литература в современном
образовательном пространстве: теория и практика»

«Қазіргі білім беру кеңістігіндегі орыс тілі және әдебиеті:
теориясы мен әдістемесі» атты
Халықаралық ғылыми-әдістемелік конференциясы

International scientific-methodological seminar
«Russian language and literature in the modern educational space:
theory, practice, technique»

Алматы
«Қазақ университеті»
2018

УДК 80/81(063)
ББК 81.2 Рус -923
Қ 22

Редакционная коллегия:

член-корреспондент НАН РК, доктор филологических наук, профессор
Б.У. Джолдасбекова
зам.заведующего кафедрой по учебно-методической и воспитательной работе
Ж.А. Баянбаева
Е.Б. Чекина

«Қазіргі білім беру кеңістігіндегі орыс тілі және әдебиеті: теориясы мен әдістемесі:
Халықаралық ғылыми-әдістемелік конференциясы» = «Русский язык и
литература в современном образовательном пространстве: теория и методика»:
Международная научно-методический конференция . - Алматы: Қазақ
университеті, 2018. – 211 с.-қазақша, орысша

ISBN 978-601-04-1544-7

Предназначен для филологов, специалистов гуманитарного профиля,
преподавателей, докторантов, магистрантов филологических специальностей.

80/81(063)

УДК

ББК 81.2 Рус-923

Рекомендовано Ученым советом факультета филологии и мировых языков

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
<i>Абаева Ж.С.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ	5
<i>Abdilda D.M., Bayanbayeva Zh.A.</i> GENRE AND STRUCTURAL FEATURES OF THE NOVEL "IN THE CITY OF VERNIY"	9
<i>Abdullayeva Zh.T.</i> ROLE OF LITERARY TRANSLATION IN THE INTERCULTURAL COMMUNICATIONS	13
<i>Афанасьева А.С., Кайырбек М.Н.</i> МЕТОДИКА РЕКОНСТРУКЦИИ АРХЕТИПА «ДОМ» В ТРИЛОГИИ И. ШУХОВА «ПРЕСНОВСКИЕ СТРАНИЦЫ»	18
<i>Байсалова Х.М.</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ГИПЕРТЕКСТА	22
<i>Бахтикиреева У.М., Кремер Е.Н., Синячкина Н.Л.</i> РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА И РУССКОЯЗЫЧНЫЙ АВТОР С ПОЗИЦИЙ М.М. АУЭЗОВА И О.О. СУЛЕЙМЕНОВА	27
<i>Жаксылыков А.Ж., Алысбаева Т.</i> АРХЕТИП ПУТИ В ПОВЕСТИ АНУАРА АЛИМЖАНОВА «ДОРОГА ЛЮДЕЙ»	34
<i>Ибраева Д.С., Салханова Ж.Х.</i> ТЕМА ДЕТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.П. ШУХОВА	40
<i>Казубек Г.К., Казубек А.К.</i> TRANSLATION WORKS OF TUMANBAI MOLDAGALIEV	43
<i>Какишева Н.Т.</i> К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ И ПРОСТОРЕЧИИ	49
<i>Кибина Ж.К., Ахметжанова А.И.</i> СТАРОСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	54
<i>Коваленко А.Г.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 60-80-Х ГГ. XX ВЕКА (В ПОИСКАХ МЕТОДА)	59
<i>Кротова Д.В.</i> ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ПРИНЦИПЫ И КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОЭМЕ ВЕН. ЕРОФЕЕВА «МОСКВА – ПЕТУШКИ»	64
<i>Лотова Е.А., Bayanbayeva Zh.A.</i> THE ISSUE OF THE PERCEPTION THE RUSSIAN POETRY OF WESTERN SLAVIC STUDIES	69
<i>Мейрамғалиева Р.М.</i> ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА	73
<i>Джолдасбекова Б.У., Мырзабек А.</i> РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ МАЛОЙ ПРОЗЫ В РАССКАЗАХ В. ШУКШИНА	79
<i>Сабирова Г.Б., Шанаев Р.У.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА	83
<i>Сарсекеева Н.К.</i> МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОВЕСТИ О. БОКЕЕВА «СНЕЖНАЯ ДЕВУШКА»	88
<i>Томанова Н.М., Алдабергенқызы Л.</i> КОННОТАТИВНЫЙ АСПЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА	93
<i>Хайрушева Е.Е.</i> ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ИДИОСТИЛЯ	100
<i>Шарапиденова А. Т.</i> О ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ НАЧИНАТЕЛЬНОСТИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНО – ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	105
ОБЩИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	
<i>Абишева Р.Б., Кальменова Р.К., Кемелова Г.М.</i> ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АЗАХСТАНЕ	108
<i>Александрова О.И.</i> О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТАМ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	112
<i>Алиева С.Б.</i> ИСТОРИЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В КАЗАХСТАНЕ В ДОКУМЕНТАХ XIX ВЕКА	116
<i>Джолдасбекова Б.У., Сарсекеева Н.К.</i> МЕТОДИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	123
<i>Григорьева И.В., Туманова А.Б.</i> ИЗУЧЕНИЕ МОДУСНЫХ СМЫСЛОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	127
<i>Гусман Тирадо Рафаэль</i> КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЕЕ СООТВЕТСТВИЯ В ИСПАНСКОМ	132
<i>Ли В.С., Туманова А.Б.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ	

*Сол соғыста өлімжайлы ойламай,
Бір қуаныш табушы едік сүйкімді.
Қысқы жолмен, желге қарсы жүгіріп,
Үміт жалғай жақсылыққа алдағы,
Той бар десе қалмаушы едім кідіріп,
Көрші ауылға келуші едім мен-дағы. [12, 465]*

The poet wrote this poem in 1955. It's known that E. Yevtushenko is a poet who has original writing style. His language is difficult. In spite of it, the translator did good translation. It's hard to translate poesy. We can take this translation as an example of the concept that only poets can translate the compositions of poets. Translation is free, but doesn't pass the border. He could transmit precisely the idea of E. Yevtushenko.

Only a real talent can transmit a composition of great poet with poet's own sound, own colorfulness, own glory in his translation. And we think that Tumanbai Moldagaliev's translations are fully worthy of this opinion. Sure, it's impossible to research comprehensively poet's translation skills in one small article.

Therefore we believe that in future many valuable works will be written about a talented poet, translator Tumanbai Moldagaliev's translation activity.

References:

1. Қазақ үні . Ұлттық портал. 8 тамыз 2011 жыл.
2. Қ.Бекхожин.//bekhozhin.psu.kz
3. www.poetryfoundation.org//Poems & Poets
4. Байрон Д. Г. Любовь и смерть: Стихотворения. Поэмы и трагедии/ Пер. англ. - М.: ТОО Летопись, 1998.-230 с.
5. Дж.Байрон. Бір томдық шығармалар жинағы. Қазақтың Мемлекеттік көркем әдебиет баспасы. Алматы,1960.- 445 б.
6. Жұмекен Нәжімеденов. "Расул Ғамзатов өлеңдерінің жаңа аудармасы хақында"//massaget.kz
7. Шевченко Т. Г. //www.stihi.ru
8. Шевченко Т. Г. Таңдамалы шығармалар. - Алматы : Қазкөркемәдеббас, 1961. - 253 .
9. Лермонтов. Полное собрание сочинений: В 5 т. Том 1. ... М.; Л.: Academia, 1935—1937. Т. 1. Стихотворения, 1828—1835. — 1936. — С. 52.
10. М. Ю. Лермонтов.Таңдамалы.Екі томдық.Өлеңдер,шағын поэмалар. Бірінші том. Алматы : Жазушы, 1977. - 632 б.
- 11.https://www.stihi.ru/avtor/evtushenko
- 12.Орыс совет поэзиясының антологиясы. Екі томдық.-Алматы:Жазушы,1980.2 том.- 584 .

Н.Т.Какишева

*Казахский национальный университет
имени аль-Фараби (Алматы)*

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ И ПРОСТОРЕЧИИ

Сам факт существования в пределах языка такого явления, как просторечие, продолжает удивлять лингвистов. Противопоставление литературного языка, культуры речи и просторечия отражает различие в культурной ориентации их носителей.

С социолингвистической точки зрения, между носителями литературного языка и просторечия существует резкая граница. Литературный язык – это язык общения образованных людей, которым присуща культура речи, просторечие – язык так называемого «простого человека», занятого неинтеллектуальным трудом.

Если носители литературного языка тяготеют к «культуре доверия», то для носителей просторечия типична «культура недоверия», восхищение криминальным миром, стремление подражать его представителям в речи и поведении на паралингвистическом уровне (например, *складывать пальцы веером*). Отношения между этими двумя социальными группами не простые, часто напряженные.

Оценить число носителей литературного языка трудно. Очевидно, что их значительно меньше, чем носителей просторечия. Соотношение примерно – 2/3:1/3. Если ситуация не изменится, то носителей просторечия будет еще больше.

Просторечие – это не «простая речь» и не речь «простых людей». Распространено мнение, что просторечие принадлежит исключительно к разговорно-бытовой сфере. Но это не так. Оно живет и в деловой речи, причем не только в устной, но и в письменной форме. В конечном счете просторечные слова и обороты естественным путем принимаются литературным языком: *подвижки, наработки, прожить (по адресу), обговаривать, набрать кого-то* ('позвонить'), *отзвонить, отследить*. От просторечных элементов не застрахована и научная речь.

Просторечные формы не имеют никаких дополнительных смысловых оттенков или функций по сравнению с аналогичными формами в литературном языке: *(я) без понятия = не знаю, по жизни = в жизни, по любому = в любом случае*.

Все экспрессивное просторечие «обречено» на признание. Просторечная форма, получая самостоятельную функцию, может перейти из разряда «просторечных» в «разговорные». Так, рожденные в просторечии многочисленные фразеологизмы легко входят в разговорный стиль литературного языка.

Узнавание самих фактов просторечия до сих пор идет опытным путем: в массе случаев критерием служит речевой опыт носителей литературного языка.

Просторечие оценивается как порча языка, но тем не менее обладает своеобразной нормой, которая не подвергается кодификации, хотя ее черты можно систематизировать.

Это:

- повышенная громкость речи, особенно в телефонном общении на улице, в разговоре на расстоянии, фарингализация («сиплый голос»);
- своеобразная интонация растягивания;
- использование оригинальных звукоизобразительных приемов (специфическое хихиканье в очень высокой визгливой тональности, громкие крики и вопли, междометие *вау! е-мое!*), пониженный тембр голоса у женщин, свист;
- в речевом поведении носителей просторечия отмечаются такие типы поведения, как бытовые провокации («подколы», «наезды»), грубые шутки («приколы»), превентивные, часто беспричинные обвинения;
- отсутствие табуирования мата: он выступает как своеобразный код, по которому опознают своих. Некоторые бранные слова десемантизируются и приобретают функции экспрессивных частиц: *бля!, шешен!, ёпрст!*;
- повышенная агрессивность речевого акта, в ходе которого собеседник воспринимается как враг;
- активное использование жаргонизмов и жаргоноидов: *бабки, беспредел, дать по рогам, опустить, примять, понты, понтоваться, рамсы, путать берега*;
- несоблюдение орфоэпических норм: *свекла, договор, километр, звонит, красивее, каталог*;
- при переключении на «вежливый», по мнению носителей просторечия, регистр речи появляются эвфемизмы: *покушать* (лит. *поесть*), *подъехать* (лит. *приехать*), *отъехать* (лит. *уехать*);
- в образовании имен собственных специфическими для просторечия являются суффиксы *-ик, -ок-, -ян-, -ох-(а), ø* (нулевой суффикс): *Ленок, Толян, Леха, Серый, Макс, Кана, Айжа, Мурка, Баха, Нурик* ;
- в общении используются исключительно *ты-формы*;
- широко представлены слова-паразиты: *типа, короче, прям, конкретно, как бы, реально, так сказать, прикольно, без балды, в натуре*.

Носители литературного языка и просторечия понимают партнеров по коммуникации, но языковыми системами друг друга не владеют.

Социолингвистический портрет носителя просторечия имеет совершенно определенные черты. Язык – важный показатель социальной стратификации.

Нравственные представления носителей просторечия:

- нравственный релятивизм, расплывчатость нравственных представлений (*у каждого своя правда, все люди разные*);
- фатализм (*от судьбы не уйдешь, все один конец*);
- гедонизм (*живем один раз, бери от жизни все*) (гедонизм – греч. *hēdonē* ‘наслаждение’ – идеалистическое направление в этике, утверждающее, что стремление к удовольствию – высшая цель жизни. В Древней Греции эта теория связана с именем Аристотеля. Затем ее дополнил Эпикур, последователи которого получили название *эпикурейцы*);

·психологический эгоизм, убеждение, что альтруизма не существует (*не делай ничего бескорыстно, за все надо платить*).

Все это объясняет терпимое отношение представителей просторечия к криминалу, уверенность в том, что виноват не преступник, а жертва (*ограбили – нечего копить, убили – не ходи поздно ночью, изнасиловали – не входи в лифт с незнакомцем*).

Носители просторечия имеют свои стереотипы поведения:

·манипулятивность (стремление использовать возможности другого человека в своих целях);
·агрессивность;
·заискивание перед сильным;
·основная форма времяпрепровождения – мало интеллектуальные занятия, дебош, кураж, агрессивные насмешки над окружающими, которых презирают за нежелание разделить их интересы.

Отношение носителей просторечия к искусству:

·любимый вид «искусства» – телевидение (сериалы, шоу пародистов, видеопросмотры, ток-шоу). Государство поддерживает вкусы носителей просторечия, о чем свидетельствует политика в области массового телевидения;

·музыка – «попса»;
·литература – анекдоты.

Отношение носителей просторечия к власти:

Носители просторечия поддерживают власть на выборах, так как она не мешает криминалу и полукриминалу и, более того, относится к ним со скрытым любованием.

В последнее время заметно усилилась пропагандистская поддержка «простого человека», исходящая от проникших во власть малоквалифицированных идеологов. Потакание вкусам носителей просторечия очень заметно и в области масс-медиа.

Еще в 20-х годах прошлого века русский философ Н.А. Бердяев писал, что волна хулиганства хлынула в нашу освобожденную печать и залила ее. И сейчас ситуация очень тревожная. Лингвисты всерьез озабочены тем, насколько уместно употребление просторечия в средствах массовой информации и как должна строиться языковая политика в СМИ.

Признаками просторечия считаются:

·опредмечивание отвлеченности (то есть пренебрежение различием *абстрактное – конкретное*), например: *Теневая экономика скупит все земли; Он работал в криминальных структурах; Научный потенциал института уже три месяца сидит без зарплаты;*

·упрощение (огрубление) – пренебрежение семантическими различиями лексем: *мешать – тормозить; платить – оплачивать, одеть – надеть* (изгнание слова *надеть* можно признать свершившимся фактом);

·бытовая литота: *неглуп, неплохо, мягко говоря;*

· широкая плеонастичность речи (плеоназм – это структурно-семантическое излишество, в отличие от тавтологии – повтора однокоренных слов: *Писатель написал письмо критику*). Можно выделить несколько видов плеонастичности:

· лексическая плеонастичность: *свободная вакансия, рыба уха, мусульманская мечеть, православные христиане, повседневная обыденность, очень замечательно;*

· формообразовательная плеонастичность: *самый максимальный, самый лучший, более лучше, самый первый, самый последний;*

· синтаксическая плеонастичность: *он сказал то, что...; он сделал это с той целью, чтобы...; он пришел с целью, чтобы навестить отца...; указывает на то, что...; как известно, что...; экспансия предлога о и союза что: реклама о...; критиковать о...; видит о том, что...; ожидаем о том, что...; он указал о том, что...;*

· плеонастический монтаж фраз: *Рост преступности растет; Сроки сдачи уже просрочены; Мы впервые познакомились на Байкале.*

Следует отметить, что плеоназмы засоряют речь и создают коммуникативные помехи. Плеонастичность построения высказываний в деловой речи является приметой времени и требует отдельных исследований. Просторечие обладает высокой степенью креативности, которая проявляется в избавлении от двувидовых глаголов (появляются пары: *женить – оженить, участвовать – поучастковать*), унификации парадигм (*жгёт, могёт, секёт, стригёт, стерегёт, хочут*). Появляются просторечные профессионализмы: *осуждены, возбуждено, пошить*. Именно в рамках просторечия активизируется игра слов, так называемая «карнавализация языка» (*Это не пляжи, а какая-то УТОПия.*), и бурно идет процесс метафоризации.

Просторечие развивается очень быстро, мало реагирует на негативную оценку носителей литературного языка и успешно вербует его носителей.

Носитель просторечия помолодел, стал более или менее образован и социально значим. Чистых «просторечников» почти нет. Типично просторечные формы могут функционировать как вкрапления на фоне вполне литературной речи. Редкий носитель современного литературного языка не допускает просторечных элементов в разговоре. Но тем не менее «просторечник» легко узнаваем. Его речь характеризуют не столько уровень образования и среда, сколько определенные качества личности, ее особый психолингвистический склад, в частности:

· открытость, непосредственность в обращении: *девушка* (по отношению к даме любого возраста), *мужчина, женщина, старик, братан;*

· приоритет содержания речи над ее формой;

· пренебрежение формулами речевого этикета.

В заключение необходимо отметить, что культура речи – это умение четко и ясно выражать свои мысли, умение говорить грамотно, привлекать внимание аудитории не только содержанием своей речи, но и

эмоциональным воздействием на слушателей. Культура речи предполагает соблюдение правил речевого общения; владение нормами литературного языка в его устной и письменной формах; умение выбрать и организовать языковые средства, которые в конкретной ситуации общения способствуют достижению определенных коммуникативных целей.

Культура речи и просторечие, при том, что представляют собой противоположные стороны языка, существуют в неразрывном симбиозе, иногда взаимно влияют друг на друга.

Литература.

1. Головин, Б.Н. Основы культуры речи: Учебник для вузов. – М.: Высшая школа, 2008. – 335 с.
2. Голуб, И.Б. Русский язык и культура речи: Учебное пособие. – М.: Логос, 2009. – 432 с.
3. Лекции по русскому языку и культуре речи. МГУ им М.В.Ломоносова, Учебное пособие- М.: МГУ. 2011 – 218 с.

*Ж.К. Кынова., А.И. Ахметжанова
Казахский национальный университет
имени аль-Фараби (Алматы)*

СТАРΟΣЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Безусловно, что формирование научной лексики русского языка непосредственно связано со старославянским, позже церковнославянским языками. Как справедливо замечает В.В. Виноградов: «Будучи языком религии, философии и науки старославянский язык влил в русский язык мощную струю отвлеченной лексики и фразеологии. Например, такие общие понятия как *животное, растение, существо, бытие, действие, понятие, воображение, разум, явление* и т.п., или унаследованы от старославянского языка, или созданы самостоятельно, но на его основе и с помощью нового синтеза и нового осмысления старославянских элементов. Густой слой этих элементов сохранился и в современном русском языке. Таким образом, синтез старославянской и восточнославянской стихий создал мощную базу для широкого и свободного развития русского литературного языка» [1, 140].

Старославянский язык был также языком науки, на котором излагались представления о мире, человеке, истории. Слова, заимствованные из старославянского языка, характеризовались более абстрактным значением по сравнению с синонимичными исконно русскими словами, а в некоторых случаях русский вариант слова исчезает из языка, «уступая» тем самым слову с абстрактным, обобщенным значением. Вполне закономерно, что язык науки использует старославянские модели для создания научной терминологии, так как сам научный стиль языка характеризуется такими стилевыми особенностями, как абстрактность, обобщенность, безличность, логичность и др. Еще в кирилло-мефодиевский период появились термины